

ВЕРА И РАЗУМ: КАК ГОВОРИТЬ СОВРЕМЕННОМУ ЧЕЛОВЕКУ О БОГЕ

С 18 по 22 июня в Беларуси находился с официальным визитом государственный секретарь Папы Римского Бенедикта XVI, кардинал Тарчизио Бертоне. Визит, насыщенный встречами и событиями, состоялся по приглашению белорусского правительства. Кардинал Тарчизио Бертоне обсудил перспективы сотрудничества между Ватиканом и Беларусью с президентом нашей страны Александром Лукашенко и министром иностранных дел Сергеем Мартыновым. Он особо подчеркнул, что Римско-католическая церковь признает предназначение Беларуси как моста между Востоком и Западом и будет стремиться к тому, чтобы республика имела свое значительное место на международном уровне. «Присутствие в Беларуси государственного секретаря является знаком того, что Папа приветствует и показывает свое уважение президенту и всем гражданам Беларуси, – отметил кардинал Тарчизио Бертоне на встрече с Александром Лукашенко. – Папа Бенедикт XVI высказывает слова восхищения за мир и взаимопонимание, которые мы видим в вашей стране. Он выражает также слова большой радости, что есть много ценностей, которые мы проповедуем вместе, ценностей, которые присутствуют в вашем крае». Высокий гость также встретился с руководителями Конференции Католических епископов Беларуси и Митрополитом Минским и Слуцким Филаретом, Патриаршим Экзархом всея Беларуси. Правительство нашей страны передало Папе Бенедикту XVI приглашение посетить Беларусь. Другим итогом визита стало начало работы по подготовке фундаментального базового соглашения между Святым Престолом и Беларусью. Кроме того, в ходе визита кардинал Тарчизио Бертоне 19 июня прочитал лекцию в Белорусском государственном университете, текст которой мы публикуем.

ВВЕДЕНИЕ

Для меня большая честь выступать с речью в Белорусском государственном университете. Хочу поблагодарить тех, кто пригласил меня и сделал возможной эту встречу. Я обращаюсь с особым приветствием к вам, господин ректор, ко всему преподавательскому составу и студентам. Приветствую и благодарю за присутствие представителей власти всех уровней. Особое при-

ветствие адресую Его Преосвященству Тадеушу Кондрусевичу, архиепископу Минско-Могилевскому, председателю Конференции Католических епископов Беларуси, Его Преосвященству Александру Кашкевичу, епископу Гродненскому, заместителю председателя Конференции Католических епископов Его Преосвященству Владиславу Блину, епископу Витебскому, а также студентам гродненской Высшей духовной семинарии. С приветствием обращаюсь к представителям мира культуры и, наконец, ко всем присутствующим.

Не впервые мне приходится выступать в столь высокой академической среде. Несколько лет я также был ректором университета и знаю, насколько полезны подобные дискуссии и культурное обогащение. Однако здесь я выступаю в качестве государственного секретаря Его Святейшества Бенедикта XVI и поэтому хотел бы в первую очередь передать выражение его привязанности и уважения по отношению ко всем вам. Он сам многие годы был преподавателем университета и сегодня является признанным богословом, наставником человеческой и духовной мудрости. Поэтому мне очень приятно передать вам его приветствие и благословение.

ВЕРА И РАЗУМ

Тема, которую меня попросили осветить, касается особо важного аспекта для жизни человека и общества в текущий момент истории, характеризующийся многочисленными культурными и социальными изменениями. Сегодня более чем когда-либо ввиду всеобъемлющего явления глобализации проблемы, касающиеся смысла и ценностей жизни человека, имеют реальное отражение в каждом уголке земли. Диалог между верой и разумом, между культурой и верой еще более необходим для противостояния вызовам, возникающим на всех континентах. «Вера и разум: как говорить современному человеку о Боге» – вот та тема, которая, на мой

взгляд, касается всех нас, вовлеченных в поиск смысла жизни.

Кроме того, здесь, в вашей прекрасной стране, которая переживает новый период своей истории после бывших у нее в прошлом сложных и трудных моментов, не может не возникнуть вопрос о смысле жизни, в большой степени совпадающий с вопросом о Боге. Я, конечно, не претендую на то, чтобы раскрыть столь обширную и глубокую тематику, а лишь предлагаю некоторые пункты к размышлению, исходя из моего личного опыта как человека науки, как верующего и священника, покоренного Христом. Моя лекция будет исследованием ума и сердца, свидетельством, которое в какой-то мере расскажет также о моем пути как человека, как верующего, убежденного, что только если Бог не исключается из нашего человеческого поля зрения, жизнь и общество приобретают полный и достаточный смысл. Важно отметить, что эти рассуждения о взаимоотношении веры и разума или об отношении между человеком и Богом не выходят за пределы человеческого опыта. Я осознаю, что это непростое выступление, насыщенное проблемами, и откровенно признаюсь в том, что очень трудно современному человеку говорить о религии и о Боге, говорить о Боге разуму.

Историческое исследование традиционных религий Востока и Запада показывает обоюдное признание некоего созидательного Абсолюта, пребывающего вне мира. Так, от Олимпа греков до культа Солнца, от Бога Библии до Будды представления о высшем Существо, безусловно, отличаются друг от друга, но общая ориентированность на трансцендентность все же оставляет место для чего-то, лишнего определения и совершенно иного. Однако сегодня возникает вопрос: мыслимо ли подобное место в нашу кризисную эпоху, какова составляющая религии и веры в культурном контексте, который определяется как «постмодернизм»? Посредством какой терминологии можно говорить о Боге современному человеку?

Тарчизио БЕРТОНЕ.

Родился в 1934 году в Романо Канавезе (Италия). В 1950 году вступил в орден Салезианцев и был посвящен в ординарии (постоянные члены) в 1960 году. Защитил докторскую диссертацию по каноническому праву и в 1989 году назначен ректором Салезианского университета, где в свое время учился. В 1991 году – архиепископ Верчелли. В 1995-м – секретарь конгрегации вероучения Римской курии. В 2002 году – архиепископ Генуи, включен в состав Коллегии кардиналов (2003). Участник конклава, избравшего в 2005 году Папой Римским Йозефа Ратцингера (Бенедикта XVI). 22 июня 2006 года назначен государственным секретарем Ватикана.

ПРОБЛЕМАТИЧНО ГОВОРІТЬ СОВРЕМЕННОМУ ЧЕЛОВЕКУ О БОГЕ

Сегодня тот, кто говорит о религии и вере, часто чувствует себя похожим на клоуна. Такое сравнение приводит Папа Ратцингер на одной из первых страниц своей известной книги, написанной несколько лет назад. В ней рассказывается история о том, как внезапно загорелся цирк. Директор, заметив клоуна, уже наряженного для предстоящего спектакля, не раздумывая ни минуты, отправил его в ближайшую деревню за помощью, так как была опасность, что огонь, распространяясь по полям, дойдет также и до деревни. Клоун, задыхаясь, побежал умолять крестьян, чтобы они поспешили помочь погасить пожар. Однако те приняли его крики за хитрое профессиональное мошенничество. «Цирк, – говорили они, – не мог загореться. Наверняка клоун таким образом зазывает нас на сегодняшнее вечернее представление...» И они аплодировали, смеясь до слез. У бедного клоуна было больше желания плакать, чем смеяться; он всеми силами тщетно пытался убедить людей прийти на помощь, объясняя, что это не выдумка и не мошенничество, а горькая правда, потому что цирк действительно горит. Но от его плача лишь громче становились взрывы смеха: всем казалось, что он просто великолепно исполняет свой номер... «Комедия» продолжалась до тех пор, пока огонь действительно не подошел вплотную к деревне, когда уже ничто не могло помочь, и в результате деревня и цирк были уничтожены пламенем (J. Ratzinger. *Introduzione al cristianesimo* (Введение в христианство), trad. it., Brescia, 1969, pp. 11–12). Эта история помогает понять, насколько трудно говорить современному человеку о религии и о Боге в культурном контексте нарастающей секуляризации. «Крестьяне» из этой притчи не реагируют на призыв, воспринимая его как «профессиональный»: так совершенно

не принимают всерьез таких людей, как священник, богослов, верующие, потому что они кажутся вросшими в ветхие ризы наследия и традиций, безвозвратно устаревших. В их глазах эти люди выглядят подобно клоуну из притчи, который уверен в том, что должен передать срочное и жизненно важное сообщение, однако при этом остается неправым «не заслуживающим доверия» для тех, к кому обращается. Но не только слушающий искушен недоверием. К верующему человеку также может прокрасться неуверенность, которая в моменты искушения заставляет колебаться всю ужасно хрупкую конструкцию того, во что он верит. На самом деле никто лишь при помощи своих человеческих ресурсов не в состоянии привести кого-либо к вере, даже верующий самого себя. Чтобы говорить о Боге, нужно смиренно признать свою колоссальную бедность. Необходимы совместные усилия.

ВЕКТОРЫ ПРИЛОЖЕНИЯ УСИЛИЙ

Здесь я поведу речь об усилиях, которые необходимо приложить на двух уровнях. Прежде всего, в практическом плане это усилие должно быть выражено в стремлении к жизни, на самом деле ориентированной на ценности, которые непрестанно проповедают мировые религии. Подлинное религиозное поведение призвано к тому, чтобы быть «светом и закваской» человеческого опыта. И наоборот, любые попытки человека установить справедливость и мир во всем мире не приведут к успеху, если верующие и все люди доброй воли не примут эту прекрасную, таинственную альтернативу, являющуюся даром Бога. Тот же, кто каким-либо образом ощутил на себе этот дар, морально призван передавать его другим людям перед лицом их конкретных трудностей, борьбы, проблем и вызовов для того, чтобы они были просвещены и стали более гуманными от света Божьего.

Вера и разум – это как бы два крыла, на которых человеческий дух возносится к созерцанию истины...

*Папа Римский
Иоанн Павел II*

На втором месте усилие, которое подключает сферу мысли и размышления. Кем для меня является Бог? «Этот вопрос, – писал Йозеф Ратцингер, – мы должны поставить не только из честности по отношению к мысли и из чувства ответственности в отношении разума, но также из уважения к внутреннему закону любви, которая желает узнавать все больше и все лучше того, кому было сказано «да», чтобы быть в состоянии любить его еще сильнее» (J. Ratzinger, *Introduzione...* p. 47). Папа Иоанн Павел II в начале своей Энциклики «*Fides et ratio*» (Вера и разум) формулирует основное утверждение: «Вера и разум – это как бы два крыла, на которых человеческий дух возносится к созерцанию истины, ибо сам Бог вложил в умы людей стремление к познанию истины, а также к познанию Его самого, чтобы люди, познавая и любя Его, смогли найти полностью истины о себе самих (см.: Быт. 33, 18; Пс. 27 (26), 8–9; Пс. 63 (62), 2–3; Ин. 14, 8; 1 Ин. 3, 2)».

ЗНАЕШЬ ИСТИНУ – ЗНАЕШЬ САМОГО СЕБЯ

Существует близкая связь между знанием истины и знанием самого себя, поскольку мы являемся частью полной истины, которая является Богом, и Бог участвует в ее наивысшем проявлении. Призыв «Познай самого себя» был вырезан над входом в храм Аполлона в Дельфах как свидетельство основополагающей истины, которая должна быть принята как правило-минимум для каждого человека, действительно желающего быть «человеком» в качестве «знатока самого себя».

Впрочем, даже беглый взгляд на древнюю историю ясно показывает, как в различных частях земли с разными культурами в одно и то же время возникают фундаментальные вопросы относительно пути человеческого существования. Кто я? Откуда пришел и куда иду? Почему присутствует зло? Что будет после этой жизни? Эти вопросы есть в

священных текстах Израиля, но они появляются также в Ведах, а равно и в зороастрийской Авесте; мы встречаем их в писаниях Конфуция и Лао-Цзы, а также в учении Тиртанкара и Будды; они есть в поэмах Гомера и в трагедиях Еврипида и Софокла, а также в философских трактатах Платона и Аристотеля. Это вопросы, имеющие общий первоисточник – потребность в смысле, которая всегда беспокоит сердце человека.

Для того чтобы ускорить прогресс в познании истины, а собственное существование сделать более гуманным, у человека в распоряжении многочисленные средства. Одно из них – философия, способствующая тому, чтобы непосредственно поставить вопрос о смысле жизни и обозначить ответ на него.

Слово «философия», согласно греческой этимологии, значит «любовь к мудрости». Действительно, философия родилась и развилась в то время, когда человек стал задаваться вопросом о происхождении вещей и о цели их существования, что различными способами и в разных формах указывает на то, что стремление к познанию истины заложено в самой природе человека. Ее сильное влияние на формирование и развитие культуры на Западе не может заставить нас забыть о воздействии, которое она оказала также на формы понимания существования, которыми живет Восток. Каждый народ действительно обладает своей собственной мудростью, которая, являясь подлинным богатством культуры, стремится также к выражению и развитию в чисто философских формах.

ПОМОЩЬ ОТКРОВЕНИЯ

Если человек хочет постичь тайну своего существования, он должен исследовать, а также принять в вере тайну Бога. Разум имеет свое особое место, которое позволяет ему исследовать и понимать, не будучи ограниченным

ничем иным, как собственной ограниченностью перед безграничной тайной Бога. Откровение вводит в нашу историю универсальную и окончательную истину, призывающую ум человека никогда не останавливаться; напротив, она подталкивает его к тому, чтобы постоянно расширять область собственного знания до тех пор, пока он не обнаружит, что уже достигнуто все, что было в его власти, и ничто не упущено. В этом размышлении нам приходит на помощь один из наиболее плодотворных и выдающихся умов в истории человечества, к которому на Западе заслуженно апеллируют как философия, так и богословие, – святой Ансельм. В своем «Proslogion» («Прибавление к рассуждению») он выражается следующим образом: «О Господи, Ты не являешься лишь тем, о чем невозможно подумать, что есть нечто большее (non solum es quo maius cogitari nequit), но Ты – больше всего того, о чем можно думать (quiddam maius quam cogitari possit) <...> Если бы Ты не был таким,

можно было бы подумать, что есть нечто больше Тебя, но это невозможно». Истина христианского Откровения, проявляющаяся в Иисусе из Назарета, позволяет каждому принять «тайну» собственной жизни. Как высшая истина, она, не нарушая автономности создания и его свободы, склоняет к принятию трансцендентности. Это кульминационный момент соотношения свободы и истины, и становится полностью понятен смысл слов Господа: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32).

ИСТИНА И СВОБОДА

Согласно Евангелию свобода – это плод, созревающий под солнцем истины. Некая современная культура, особенно на Западе, предлагает обратный тезис и утверждает: «Будьте свободными, и свобода сделает вас истинными». Это центральное положение нового «евангелия» – секуляризованного, агностического, местами атеистического, в котором свобода главенствует над всем. Безусловно, никто не спорит с тем, что каждый человек прежде всего должен стремиться к свободе, особенно если под этим термином мы понимаем что-то более сложное и богатое, чем простую свободу выбора. Но столь же бесспорно и то, что человек желает знать истину, а не заблуждение. В связи между истиной и свободой первенство принадлежит истине. Если мы видим веру и разум как две дороги, ведущие к познанию истины, устраняется то изначальное противоборство между ними. Противоборство в данном случае означает, что сколько будет признано за одной, ровно столько будет отнято у другой: если одна приобретает, другая может только терять. Рационализм и, наконец, атеизм таким образом представляли отношения «человек – Бог»: чем выше человек ставит Бога,

Во время лекции
кардинала Тарчизио
Бертоне в БГУ

тем больше отчуждает и отнимает у самого себя что-то существенное. Та же схема мысли возвращается и к проблеме связи между созданной человеческой свободой и несозданной божественной свободой. Сколько дано первой, ровно столько рационализм отнимает у другой. Не принимается идея того, что обе свободы могут сотрудничать в созидании добра. Божественная свобода как перво-причина, человеческая – как вторичная причина, а, таким образом, всякое благое деяние происходит полностью от Бога как от первопричины и полностью же от человека как от вторичной причины.

ДВА ОСНОВНЫХ ТРЕБОВАНИЯ

Первое требование. Согласие между верой и разумом требует того, чтобы философия не ограничивалась плодами своих размышлений. Поскольку она должна принимать во внимание эмпирические открытия, появляющиеся в различных науках, она также должна принять к рассмотрению священное предание религий и прежде всего Библию – как источник знания, из которого она может черпать плодотворные идеи. Действительно, не существует ни одной серьезной философской системы, которая не получила бы из религиозной традиции прозрений и указаний. Это справедливо для греческой и индийской философии, для философии, развившейся в христианстве, а также для современных философских систем, которые были убеждены в автономности разума и считали эту автономность наивысшим критерием мысли. Но и они в долгу перед библейской верой за те великие направления мысли, которые эта самая вера предложила философии. Кант, Фихте, Гегель, Шеллинг – все они были бы немислимы без того, что дала философии вера. И даже Маркс, несмотря на полностью искаженную интерпретацию его учения, все еще жизнеспособен благодаря тем горизонтам надежды, которые он позаимствовал в иудейской традиции. На

слово Библии человек может ответить либо разумом, либо сердцем, и в обоих случаях он может дать положительный ответ, приняв слово, либо отрицательный, отвергнув его.

В моменты большого культурного подъема (эллинистическая эпоха у евреев, эпоха отцов церкви и схоластики у христиан, эпохи аль-калам и аль-фаласифа у мусульман) всегда отмечалось плодотворное «сотрудничество» философии с Библией: Священная книга освещала разум, и разум со своей стороны принимал слово Бога и питался его истиной.

Современности, которая возводит разум в ранг абсолюта и не признает за религией никакого авторитета, всецело характерен отказ от Священной книги со стороны разума. Это начинается с секуляризации и заканчивается демифологизацией. Философия со своей стороны уже ничему не может научиться из Библии. В современном мире, который переживает эпоху культурного кризиса, религиозный мыслитель, каким бы он ни был – христианским, иудейским, мусульманским, – будь то философ или богослов, он должен отстаивать способность разума создавать добротную философию и, создавая добротную философию, давать хорошее толкование и производить хорошее богословие.

Второе требование. Существуют некоторые открытия и некоторые основные концепции, которыми философская мысль не может пренебречь: концепция личностного Бога и в общих чертах концепция «человека», существующие лишь на стыке веры и философии. Уже упомянутая Энциклика Иоанна Павла II «Fides et ratio» (Вера и разум) апеллирует к концепции человека как образа Бога, то есть к антропологии, связанной с Библией, в которой человек рассматривается как относительная сущность, и, исходя из этого относительного положения человека, становится видимым также и Бог, который в нем представлен.

Это дополняется вытекающей отсюда основополагающей концепцией греха и вины, из чего следует концепция равенства и свободы людей, как идея философии истории. Исходя из этого Папа формулирует три постулата веры в философии: она должна вновь обрести умозрительный подход исследования окончательного и глобального смысла жизни; поверить в способность человека к познанию истины, из чего как третий постулат следует необходимость в философии подлинно метафизического уровня. Это, в свою очередь, означает, что человеческая мысль не может останавливаться на самих явлениях – она должна перешагнуть границу видимого бытия, перейти «от феномена к фундаменту». Сегодня невозможность перешагнуть за границы явлений, за видимую сторону вещей, стала прямо-таки догмой. Но не лишает ли в действительности себя человек самой глубины своего бытия, ограничиваясь лишь видимым? В этом subtilном аспекте современная мысль соприкасается с самым сердцем евангельского послания.

Согласно Евангелию от Иоанна, человек не должен останавливаться на видимом, не должен возводить видимое до уровня окончательной реальности, а должен искать славу Бога за границами видимого, то есть стремиться к лучезарному сиянию истины и к ней обращаться.

Часто больше верят тому, что «представляется», что сказано, написано и показано, чем самим фактам. Распространенное мнение важнее того, что в действительности имело место; концепция «опыта», со всей его ограниченностью, зачастую и в богословии считается единственным критерием. Но «Слово Бога непрерывно указывает на то, что превосходит опыт», потому что человек не ограничен в мире видимого и субъективного опыта.

Откровение – это больше чем опыт, но именно так нам даруется опыт Бога, ко-

торый помогает соединить наши ощущения, привести их в правильный порядок, чтобы понимать их, уметь избирать критически и позитивно, а также уметь их передавать другим.

ЗАВЕРШЕНИЕ

Для того чтобы придать более конкретные и существенные черты связи между верой и философией, а также той помощи, которую они могут оказать друг другу, отталкиваясь от оригинального постановочного изобретения итальянского философа Витторио Поссенти, представим умозрительно четыре фигуры – Сократа, Иисуса, Пилата, Авраама и понаблюдаем за образом их действий.

Сократ и Иисус – два действующих, имеющих немало сходных черт. Сократ считается отцом философии, достойным той любви, которую юноша Платон сохранил к нему на протяжении всей жизни. Иисус – предвечное воплощенное Слово, личность исключения и великий духовный Наставник, каковым его признавал Кант. Сократ бродит по рыночной площади, на агоре, задает вопросы, спрашивает: что такое справедливость? Что такое добро? Что такое счастье? Из вопросов Сократа и предшествующих ему ионических философов родилась философия. Итак, Сократ задает вопросы. Иисуса же, напротив, то и дело спрашивали на всех дорогах Галилеи и Иудеи: его спрашивали книжники и фарисеи, богатый юноша, народ, его Мать, Пилат, первосвященник, апостолы, ученики и так далее. Ему задавали вопросы, потому что, отвечая, он свидетельствовал об истине.

Сократ не является истиной, и поэтому он спрашивает, задает вопросы, чтобы знать. В Христе собеседники замечают нечто великое и таинственное, возможно, саму истину, поэтому и спрашивают его. Кто спрашивает, тот не знает, но ищет. Кого спрашивают, тот знает, и у него просят ответа о том, что ему известно. Это и указывает на различие между

двумя персонажами, которое и составляет разницу между философией и божественным. Философия ищет Бога, но она не божественна: она не знает, но ищет знания и прилагает к исследованию все усилия, редко достигая покоя.

Проявляется и еще одно различие. Сократ спрашивает, стремясь постичь истину об этической сущности. Христа же в конце концов спрашивают о Нем самом: кто Ты? В совокупности этот вопрос звучит так: что есть истина? Вопрос о том, кем же является Иисус, и вопрос об истине соединяются и превращаются в один. Последний вопрос задан Пилатом во время суда над Иисусом: «Что есть истина?» (Quid est veritas?) Но он и не ждал ответа. Он слишком спешил. Спешил закрыть это дело любым способом, не вызывая недовольства у тех, о ком постоянно думал, у кого хотел заручиться для себя поддержкой. Возможно, Пилат – это прототип многих важных особ, которых всегда ожидают какие-то срочные дела и у которых нет никакого серьезного дела. Пилат невнимателен и поэтому не ждет ответа; он обращается к толпе, спрашивая: что вы хотите, чтобы я с ним сделал? Он спрашивает, но совсем не для того, чтобы добиться истины. Истина не дает ответа тем, кто спешит. Если мы можем что-то извлечь из диалога между Иисусом и Пилатом, так это приглашение к покою и спокойствию: повторить вопрос и ждать с терпением и настойчивостью ответ. Сократ со своей стороны спрашивает без усталости, не притворяясь. Он не спешит. Возможно, он созерцатель и действительно является им, как утверждает в эпизоде, описывающем военный поход на Потидею, когда он оставался в полном бездействии, размышляя весь день и всю ночь, вызывая восхищение у товарищей и военных (ср.: «Пир», с. 220 и далее).

Что мы должны думать об Иисусе, о Сократе, о Пилате? Иисус, спрошенный о своем божественном происхождении, находится вне философии и веры. Сократ предстает перед нами как представитель философии; Пилата можно рассматри-

вать с самых разных сторон: как представителя власти, не верного по отношению к своим обязанностям; как человека любопытного, который невнимательно задает вопросы; а возможно, и как универсального интеллектуала, у которого всегда слишком много дел. Если мы уже встретили представителя философии, то еще пока не встретились с представителем веры, которым не может быть ни Пилат, ни Воплощенное Слово. Есть еще один персонаж: Авраам – отец всех верующих; он поверил вопреки надежде (spes contra spem).

«Авраам поверил, поэтому он молод; тот, кто всегда надеется на лучшее, стареет, поскольку разочаровывается в жизни; тот, кто всегда готовится к худшему, стареет преждевременно; а тот, кто верит, сохраняет вечную молодость», – писал Кьеркегор в «Страхе и трепете».

Сократ – отец философии, а Авраам – отец верующих. Есть что-то значительное, способное установить скрытую связь между двумя персонажами, которая удивляет нас в поведении и Сократа, и Авраама, – это подчинение голосу, который к ним обращается и послушание которому ведет к совершенно разным результатам. Ради послушания голосу сознания Сократ остается в афинской тюрьме, где выпивает ядовитую цикуту и противостоит смерти. Ради послушания голосу Бога Авраам покидает свою родную землю и идет. Один остается, другой идет: один остается в тюрьме, другой покидает свою страну. Один идет на смерть, другой – в неизвестность. Обоих объединяет то, что, услышав голос, звучавший в них, они были послушны ему. Именно голос зовет и звучит в каждом человеке. Они услышали и послушались. Также сегодня важно то, чтобы разум, постмодернистская философия, для которой характерны скептические подходы и формалистические искушения, сумели выслушать урок Сократа, не отворачиваясь и от того урока, который может преподать им Авраам. ■